

Е. В. Батаєва

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

Рассмотрены актуальные проблемы современной теории социальной активности студентов с использованием транс-деятельностной концепции активности. Социальная активность рассматривается как интегративная характеристика личности, которая находит свое выражение в рефлексии, коммуникации, познании и деятельности, обусловленных внутренней потребностью человека в самоактуализации, проявляющихся в создании социально ценных артефактов/проектов, а также в осознанной помощи другим людям. Выявлены концептуальные особенности теории множественных форм социальной активности студентов, проявляемой в реальном и виртуальном контекстах, теоретической основой которой является теория множественного интеллекта Г. Гарднера. Рассмотрены четыре аспекта качественного подхода к различению высоких-низких уровней социальной активности (ценностный, мотивационный, акцентирующий инициативность-исполнительность и устойчивость-ситуативность социальной активности), которые дополняют и корректируют друг друга.

Ключевые слова: социальная активность; реактивность; просоциальность; транс-деятельностный подход; качественный критерий различения уровней социальной активности.

***Батаєва К. В.* Актуальні проблеми теорії соціальної активності студентів**

Розглянуто актуальні проблеми сучасної теорії соціальної активності студентів з використанням транс-діяльнісної концепції активності. Соціальна активність розглядається як інтегративна характеристика особистості, яка знаходить своє вираження в рефлексії, комунікації, пізнанні та діяльності, обумовлених внутрішньою потребою людини в самоактуалізації, що проявляються в створенні соціально цінних артефактів/проектів, а також в усвідомленій допомозі іншим людям. Виявлено концептуальні особливості теорії множинних форм соціальної активності студентів, що проявляється в реальному і віртуальному контекстах, теоретичною основою якої є теорія множинного інтелекту Г. Гарднера. Розглянуті чотири аспекти якісного підходу до розрізнення високих-низьких рівнів соціальної активності (ціннісний,

мотиваційний, аспект ініціативності-старанності і стійкості-ситуативності соціальної активності), які доповнюють і коректують один одного.

Ключові слова: соціальна активність; реактивність; просоціальність; транс-діяльнісний підхід; якісний критерій розрізнення рівнів соціальної активності.

Bataeva K. Actual problems of the theory of social activity of students

Actual problems of modern theory of social activity of students are considered using trans-action concept of activity. Social activity is viewed as an integrated characteristic of personality that appears itself in reflection, communication, cognition and activity, conditioned by a person's internal need for self-actualization, manifested in creation of socially valuable artifacts/projects, as well as in conscious help to other people. Conceptual features of the theory of multiple forms of social activity of students manifested in real and virtual contexts the theoretical basis of which is G. Gardner's theory of multiple intelligence are revealed. Four aspects of qualitative approach to distinguishing high-low levels of social activity (value, motivational, accentuating initiative-efficiency and stability-situationality of social activity) that complement and correct each other are considered.

Key words: social activity; reactivity; pro-sociality; trans-action approach; qualitative criterion for distinguishing between levels of social activity.

В современной теории социальной активности достаточно много внимания уделяют выявлению существенных характеристик этой категории, формулировке корректных определений, анализу специфики различных форм социальной активности, изучению методов формирования и управления активностью студентов и школьников. Тема социальной активности является междисциплинарной, ее разработкой занимаются психологи (А. Абульханова-Славская, А. Буршлинский, А. Леонтьев, С. Рубинштейн, Э. Фромм, Р. Шамионов и др.), философы (С. Абачиев, В. Агеев, Г. Батищев, С. Иваненков и др.), социологи (О. Асеева, Е. Бахаровская, Ю. Мангутова, Г. Новикова, Е. Харланова, Е. Якуба и др.), представители педагогических наук (Н. Зенько, Ю. Кустикова, В. Маралов, А. Мудрик, Н. Пилипчевская, В. Ситаров, К. Ямкова и др.), при этом практически все теоретики

опираються на деятельностный подход к определению социальной активности, предложенный А. Леонтьевым, согласно которому социальная активность человека всегда проявляется/завершается в конкретной деятельности. В то же самое время некоторые исследователи (к примеру, А. Мудрик, К. Ямкова) оговаривают условия расширенной трактовки понятия «активность», которое подразумевает не только деятельность (понимаемую как действия, направленные на решение объективной проблемы и имеющие своим итогом создание материального или виртуального/интеллектуального продукта), но и рефлексию, познание, коммуникацию, спорт, игру [13, с. 314–315].

Имея в виду расширенную (транс-деятельностную) трактовку понятия активности, будем использовать в качестве теоретической основы отредактированное определение Г. Новиковой и Г. Маль [6, с. 124]: социальная активность – это интегративная характеристика личности, которая находит свое выражение в рефлексии, коммуникации, познании и деятельности, обусловленных внутренней потребностью человека в самоактуализации, проявляющихся в создании социально ценных артефактов/проектов, а также в осознанной помощи другим людям. Целью статьи является анализ наиболее актуальных и дискуссионных проблем современной теории социальной активности студентов, выявление основных аспектов качественного подхода к различению высоких-низких уровней социальной активности студентов, анализ особенностей проявления социальной активности студентов в современном обществе.

Рассмотрим сущностные характеристики понятия «социальной активности», выделенные Е. Харлановой, такие как «самодетерминированность», «включенность в социальное взаимодействие» и «просоциальность» [10, с. 184]. «Самодетерминированность» социальной активности следует понимать как спонтанное и свободное проявление определенных жизненных потенций социального субъекта, никем не навязанное извне; как самопроизвольную деятельность человека (и созерцательную, и осуществляемую на поведенческом уровне), дающую возможность проявиться глубинным способностям личности, в основе которой лежит свобода и независимость. Подобное «самодетерминированное» определение социальной активности

предложил в работе «Ради любви к жизни» Э. Фромм, согласно которому «активность означает выявление, проявление тех сил, которые есть в человеке, но которые обычно остаются спрятанными и подавленными» [9]. Если же человека активизируют внешние стимулы, например, желание прославиться или разбогатеть, то в действительности он лишен свободы и независимости и остается внутренне пассивным [9].

Понятие активности находится в контрадикторных отношениях с понятием реактивности, отрефлексируемым В. Ситаровым и В. Мараловым, существенным признаком которого является не самодетерминированность рефлексии, коммуницирования или деятельности человека, а их порожденность/сформированность *извне*, под влиянием внешних факторов. В. Ситаров и В. Маралов выделили несколько формотворческих признаков реактивности: во-первых, реактивность выполняет в основном приспособительную, адаптивную функцию, будучи (буквально) формой *реакции* на определенные стимулы, предлагаемые внешней средой; во-вторых, реактивность «обуславливается системой установок, опытом выполнения прошлых деятельностей, она ориентирована на прошлое» [8, с.165]; в-третьих, реактивность по своей сути стереотипна, поскольку воспроизводит уже существующие, общепринятые шаблоны поведения и мышления. Напротив, активность предполагает не приспособление к уже существующим познавательным и социальным контекстам, сколько их преобразование и усовершенствование; она ориентирована не на прошлое, а на настоящее и будущее, стимулируя создание «избыточности» смыслов; активность по своей природе не-стереотипна, предполагая создание уникальных проектов, преодолевающих банальность «общепринятого». Реактивность, как правило, являет собой ситуативные, неустойчивые и не сохраняемые во времени формы жизнедеятельности человека, которые вне ситуации внешнего стимулирования могут исчезнуть, тогда как активность обусловлена над-ситуативной, стойкой потребностью человека в самовыражении и самоактуализации, которая стабильно воспроизводится во времени. Активность всегда субъектна – она соотносится с развитой субъектностью человека, являющегося автором своей

жизни, свободно выбирающим жизненные цели и средства для их достижения, самостоятельно принимающим жизненно важные решения, являющегося независимым от внешнего влияния и принимающим на себя ответственность за любые результаты собственной активности. Напротив, реактивность всегда «объектна», предполагая возможность манипулирования человеком как объектом с целью реализации решений, принимаемых внешними акторами. Можно предположить, что реактивность субъекта может стать распространенной и типичной в контексте инструментализации отношений в образовательном пространстве [7].

Вторая сущностная характеристика социальной активности – «включенность в социальное взаимодействие» – предполагает возможность различных модусов социального взаимодействия – в режиме реального или отсроченного времени, в реальном или виртуальном пространстве. К примеру, опережающий свое время интеллектуальный проект, являющийся плодом научной активности человека, смогут оценить не современники, а потомки спустя время и в другом пространственном измерении, вступив с его автором в отсроченное социальное взаимодействие.

В третьей важной характеристике социальной активности – «просоциальности» – фиксируется соотносительность социальной активности с позитивным преобразованием человеком самого себя или общества, с созданием социально ценных и полезных интеллектуальных/социальных проектов; негативную деятельность соотносят не с категорией социальной активности, а с деструктивностью, с разрушительностью и нанесением вреда окружающим людям или самому себе.

Одна *versus* множество форм социальной активности. В советской научной литературе социальная активность рассматривалась как общественно направленная активность, проявляющаяся в участии в общественных организациях, в социальных проектах оказания помощи пожилым и больным людям, в сборе макулатуры и металлолома, во внеурочной работе в колхозах. Подобное отождествление социальной и общественной активности иногда можно встретить и в современной научной литературе. К примеру, С. Иваненков

и А. Кострикин утверждают, что «европейская традиция связывает социальную активность молодежи, прежде всего, с мобильностью и участием молодых граждан в общественной жизни на местном и региональном уровне» [4]; как полагает Е. Якуба, «важнейшими признаками социальной активности личности является сильное, устойчивое, а не ситуативное стремление влиять на социальные процессы и реальное участие в общественных делах» [12]. Однако в современной теории образования более актуальной становится концепция множественных форм социальной активности студентов, а именно познавательной, трудовой, коммуникационной, общественной, проектной, культурной, творческой, политической, гражданской активности обучающихся. Теоретической основой концепции множественных форм социальной активности является теория множественного интеллекта Г. Гарднера, согласно которому существует семь модулей разума (или интеллектов – во множественном числе): лингвистический, логико-математический, музыкальный, пространственный, телесно-кинестетический, а также две формы личностного интеллекта – сориентированный на окружающих людей (именно он находится в основе общественной сориентированной активности личности) и на самого индивида [2]. Все одарены по-разному, каждый обладает определенными способностями в разных жизненных контекстах, поэтому и активны все по-разному. Если у студента развит, к примеру, лингвистический интеллект и не развит интеллект, сориентированный на окружающих людей, сложно будет от него ожидать общественно ориентированной активности, хотя в то же самое время он может быть чрезвычайно активным в научном, познавательном, коммуникационном, музыкальном отношении. Если студента, не имеющего соответствующих способностей и не обладающего развитым интеллектом, ориентированным на других людей, вынудить участвовать в общественных организациях, социальных/волонтерских проектах или органах студенческого самоуправления, то с высокой степенью вероятностью он выполнит такую работу не-творчески, некачественно, с низким уровнем эффективности. И наоборот, студент, обладающий склонностью к общественной деятельности и получающий удовольствие от выполнения общественных поручений, свободно

и без внешнего принуждения пожелает участвовать в социальных проектах, нацеленных на решение определенных общественных проблем. В силу несходства и несоизмеримости различных форм социальной активности, их невозможно сравнивать по шкале лучше-хуже, выявляя более актуальные или востребованные.

В современной научной литературе различают реальную и виртуальную (или киберактивность) формы социальной активности, которые могут соотноситься друг с другом в двух режимах. Во-первых, речь идет об их взаимодополнении: виртуальная активность может дополнять активность в реальном пространстве и времени, расширяя возможности человека и становясь естественным и неизбежным эффектом виртуализации общества. В данном контексте также речь идет о разных формах виртуальной активности: в Интернет-пространстве возможна познавательная, трудовая активность (можно зарабатывать, находясь online), коммуникационная, общественно-политическая (пользуясь различными Интернет-ресурсами, можно участвовать в обсуждении законопроектов, вступать в дискуссию с топ-политиками страны, участвовать в виртуальных забастовках, в сборе подписей под петициями и т.д.). Согласно результатам исследования О. Асеевой, подавляющее большинство современных студентов активно участвуют в различных Интернет-проектах, причем «молодежь, которая изначально социально активна в объективно реальном пространстве, становится также активна и в виртуальном» [1].

Во-вторых, можно говорить о вытеснении или замещении реальной активности виртуальной, – в данном случае возникает феномен Интернет-зависимости, основными показателями которого является социальная дезадаптация (портятся отношения с близкими, друзьями, преподавателями; ухудшается академическая успеваемость, растет количество пропусков занятий) и большое количество времени, проведенного в Интернете (минимум 38 часов в неделю) [14, с. 238]. Согласно мировой статистике, в среднем около 8-13% Интернет-пользователей страдают от Интернет-зависимости [15], причинами которой являются довольно сложные состояния депривированности, исключенности из социальных контекстов [5, с. 72], социальное

одинокость [11, с. 100], непризнанность, социальная не востребованность, невозможность самореализации в реальном обществе. В случае Интернет-зависимости сложно (и даже невозможно) говорить о социальной активности, поскольку наиболее важные ее признаки в данном случае исчезают: самодетерминированность вытесняется зависимостью, которая по своей сути лишена свободы; просоциальность заменяется социальной дезадаптацией, следствием которой является нарушение взаимоотношений с реальными социальными акторами.

Количественный *versus* качественный критерий различения высокой-средней-низкой социальной активности. Ранее в специальной литературе довольно часто ссылались на количественный критерий различения высоких-низких уровней социальной активности (согласно которому «социальная активность выше у лиц, включенных в большее число общественных связей и общностей» [3, с. 3]); однако имея в виду феномен реактивности, сложно быть уверенным, что человек, часто появляющийся на публике и совершающий много действий, действительно является активным (а не только лишь реагирующим на внешние стимулы). Поэтому в современной теории следует предпочесть качественный критерий различения высоких-низких уровней социальной активности, в котором можно выделить несколько аспектов. Во-первых, речь идет о категориях инициативность-исполнительность, сбалансированное соотношение и интенсивное проявление которых свидетельствует, по мнению В. Ситарова и В. Маралова, о высоком уровне активности человека [8, с. 169–170]. Если же человек неинициативен (или нестабильно/неустойчиво инициативен), склонен выполнять проекты, предложенные другими социальными акторами или, наоборот, человек продуцирует идеи, но не склонен их реализовывать, препоручая их исполнение другим людям, то в этом случае можно говорить о невысоких (или недостаточно высоких) уровнях социальной активности личности.

Во-вторых, о качестве социальной активности личности можно говорить, используя ценностный подход, предложенный Е. Якубой, согласно которой только в том случае, если личность действует во

имя высших общечеловеческих ценностей (свободы, справедливости, демократии, истины, ради познания высшего смысла существования, развития науки), ее можно назвать истинно активной [12]. И, наоборот, если человек совершает множество акций и интеракций, преследуя эгоистические цели получения личной выгоды или реализации собственных амбиций, если он инициативен и исполнительен, но его инициативность и исполнительность обусловлена карьеристскими мотивами или желанием получить материальное вознаграждение за совершаемые действия, то в этом случае правильнее говорить о средне-низких уровнях социальной активности человека.

В-третьих, высокие-средние-низкие уровни социальной активности можно различать, используя мотивационный подход. В зависимости от того, какие мотивы управляют поведением человека, можно говорить о различных характеристиках социальной активности. Используя терминологию Д. Макклелланда и Д. Роттера, можно предположить, что достижительность/интернальность личности (проявляющаяся в упорных и систематических действиях, совершаемых ради достижения определенной цели) должна соотноситься с высокими уровнями социальной активности; напротив, избегание-неудачи/экстернальность должна соотноситься с низко-качественными уровнями социальной активности, когда студент действует, боясь наказания, «потому что заставили», «чтобы не отличаться от других» или вследствие прагматического расчета «накопить побольше бонусов/баллов»).

В-четвертых, речь идет об устойчивости-ситуативности социальной активности студента, упоминаемых большинством современных теоретиков. Если студент устойчиво и стабильно совершает социальные акции и интеракции, обладающие характеристиками самодетерминированности и просоциальности, то можно говорить о высоких уровнях его активности; напротив, если студент ситуативно, иногда или крайне редко совершает определенные социально ориентированные действия, можно говорить о невысоких уровнях социальной активности.

Выводы. В результате рассмотрения актуальных проблем современной теории социальной активности студентов с использованием

транс-деятельностной концепции активности, выявлена эвристическая ценность концепции множественных форм социальной активности студентов, проявляемой в реальном и виртуальном контекстах, теоретической основой которой является теория множественного интеллекта Г. Гарднера. В статье были продемонстрированы преимущества качественного подхода к различению высоких-низких уровней социальной активности студентов, который включает в себя четыре параметра: ценностный, мотивационный, параметр инициативности-исполнительности и устойчивости-ситуативности социальной активности. Перечисленные четыре аспекта качественного критерия различения высоких-средних-низких уровней социальной активности студента дополняют и корректируют друг друга, поэтому предпочтительным является их одновременное использование.

В дальнейшем необходимо проанализировать причины таких рискованных ситуаций, как преобладание реактивных форм образовательных практик студентов над активными, распространенность средне-низких уровней социальной активности и низких уровней общественно ориентированной активности студентов.

Список литературы

1. Асеева О. Виртуализация социальной активности молодежи в сетевых сообществах: автореф. дис. ... канд. социол. наук по специальности 22.00.04 – соц. структура, соц. институты и процессы / Асеева О.. – Абакан, 2015. – 22 с.
2. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта / Гарднер Г. ; [пер. с англ]. – Москва: ООО. “И.Д. Вильямс”, 2007. – 512 с.
3. Дзялошинский И. Медиа и социальная активность молодежи [Электронный ресурс] / Дзялошинский И., Мастерова Ю. // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <http://mic.org.ru/phocadownload/3-dzyaloshinsky-masterova.pdf>. – Загл. с экрана.
4. Иваненков С. Проблемы исследования социальной активности молодежи [Электронный ресурс] / Иваненков С., Кострикин А. // Сайт Credonew. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/834/61/> – Загл. с экрана.
5. Корытникова Н. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий / Корытникова Н. // Социс. – 2010. – № 6. – С. 70–79.
6. Новикова Г. Структура социальной активности молодежи в доброволь-

ческой деятельности и ее виды / Новикова Г., Маль Г. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 10. – С. 124–126.

7. От коммуникативного действия к практикам деконструкции в современном образовании : монография / [под общ. ред. Е. В. Батаевой]. – Харьков : Изд-во НУА, 2017. – 204 с.

8. Ситаров В. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) / Ситаров В., Маралов В. // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 4. – С. 164–176.

9. Фромм Э. Ради любви к жизни / Фромм Э. – Москва: АСТ, 1996. – 59 с.

10. Харланова Е. Социальная активность студентов: сущность понятия / Харланова Е. // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – С. 183–186.

11. Цой Н. Феномен Интернет-зависимости и одиночество / Цой Н. // Социс. – 2010. – № 12. – С. 98–107.

12. Якуба Е. Социология / Якуба Е. – Харьков : Константа, 1996. – 176 с.

13. Ямкова К. Сутність та різновиди соціальної активності учнівської молоді: теоретичний аспект [Електронний ресурс] / Ямкова К. // Науковий вісник Мелітопольського держ. пед. ун-ту. – 2011. – № 2. – Режим доступу: <http://lib.mdpu.org.ua/nvsp/BAK7/7/48.pdf>.

14. Young K. Internet Addiction: The Emergence of a New Clinical Disorder / Young K. // *CyberPsychology & Behavior*. – 2009. – № 1(3). – Pp. 237–244.

15. Rotsztein B. Problem Internet use and locus of control among college students: Preliminary findings [Electronic resource] / Rotsztein B. // The 35th Annual Conference of the New England Educational Research Organization Portsmouth, New Hampshire, April 10. – 2003. – Pp. 1–13. – Available at: <http://www.brianrotsztein.com/downloads/internetresearch.pdf>.

References

1. Aseeva O. Virtualizacija social'noj aktivnosti molodezhi v setevyh soobshhestvah [Virtualization of social activity of youth in networked communities]. Avtoreferat dis. na soisk. uchenoj stepeni kand. sociol. nauk po special'nosti 22.00.04 – soc. struktura, soc. instituty i processy, 2015, 22 p.

2. Gardner G. Struktura razuma: teorija mnozhestvennogo intellekta [Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences], Moscow: LLC. "ID Williams", 2007, 512 p.

3. Dzjaloshinskij I., Masterova Ju., Media i social'naja aktivnost' molodezhi [Media and social activity of youth]. Media. Informacija. Kommunikacija – Media. Information. Communication, 2012, no. 3, Access mode: <http://mic.org.ru/>

phocadownload/3-dzyaloshinsky-masterova.pdf.

4. Ivanenkov S., Kostrikin, A. Problemy issledovanija social'noj aktivnosti molodezhi [Problems of research of social activity of youth]. Available at: <http://credonew.ru/content/view/834/61/>.

5. Korytnikova N. Internet-zavisimost' i deprivacija v rezul'tate virtual'nyh vzaimodejstvij [Internet dependence and deprivation as a result of virtual interactions], *Socis – Sociological research*, 2010, no. 6, pp. 70-79.

6. Novikova G., Mal' G. S. Struktura social'noj aktivnosti molodezhi v dobrovol'cheskoj dejatel'nosti i ee vidy [The structure of social activity of youth in volunteer activities and its types]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – International Scientific and Research Journal*, 2016, no. 10, pp. 124-126.

7. Bataeva E. V., eds. Ot kommunikativnogo dejstvija k praktikam dekonstrukcii v sovremennom obrazovanii [From communicative action to deconstruction practices in modern education], Kharkiv, PUA Publ., 2017, 204 p.

8. Sitarov V., Maralov V. Social'naja aktivnost' lichnosti (urovni, kriterii, tipy i puti ee razvitija) [Social activity of the personality (levels, criteria, types and ways of its development)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 4, pp. 164-176.

9. Fromm Je. Radi ljubvi k zhizni [For the love of life], Moscow, ACT, 1996, 59 p.

10. Harlanova E. Social'naja aktivnost' studentov: sushhnost' ponjatija [Social activity of students: the essence of the concept]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija – Theory and practice of social development*, 2011, no. 4, pp. 183-186.

11. Coj N. Fenomen Internet-zavisimosti i odinochestvo [The phenomenon of Internet addiction and loneliness]. *Socis – Sociological research*, 2010, no. 12, pp. 98-107.

12. Jakuba E. Sociologija [Sociology], Kharkov, Constant Publ., 1996, 176 p.

13. Jamkova K. Sutnist' ta riznovidi social'noj aktivnosti uchnivs'koi molodi: teoretichnij aspect [Essence and Varieties of Social Activity of Student Youth: The Theoretical Aspect]. *Naukovij visnik Melitopol's'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu – Scientific Bulletin of the Melitopol State Pedagogical University*, 2011, no. 2. Available at: <http://lib.mdpu.org.ua/nvsp/BAK7/7/48.pdf>.

14. Young K. Internet Addiction: The Emergence of a New Clinical Disorder. *CyberPsychology & Behavior*, 2009, no. 1(3), pp. 237-244.

15. Rotsztein B. Problem Internet use and locus of control among college students: Preliminary findings. The 35th Annual Conference of the New England Educational Research Organization Portsmouth, New Hampshire, 2003, Available at: <http://www.brianrotsztein.com/downloads/internetresearch.pdf>.